

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 27–46, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.27

www.ejournal16.com

UDC 929/94(47).084.6

Trans-Don Region in the First Decades of the Soviet Regime: Memoirs of Evdokia Dubinskaya

Preparing for publication, introduction, and commentary
Nina A. Vlaskina

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
PhD (philology)
E-mail: nvlaskina@gmail.com

Abstract

The interview with Evdokia Dubinskaya describes the first decades of the Soviet regime in the Trans-Don region. The publication comprises of narratives about rural mode of life in 1930s, establishing of the first collective farms, a failed attempt to settle in the Kuban region, returning to the home village, and organization of the first child camp.

Keywords: collective farms; Kuban; flood; Cossacks, peasants; pioneer camp.

Я познакомилась с Евдокией Назаровной Дубинской (в девичестве – Литвиновой) в начале августа 2014 г., во время совместной этнолингвистической экспедиции Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН и Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета в Зимовниковский район Ростовской области. Родственница моей будущей собеседницы, Полина Николаевна, говорила нам о том, что мы обязательно должны пообщаться с Евдокией Назаровной – обладателем уникальной памяти и замечательным рассказчиком. Идя в один из вечеров на интервью, я надеялась на интересный, но недолгий разговор (у пожилых респондентов не всегда бывает достаточно сил, душевных и физических, для пространных бесед), в результате же мы провели с Евдокией Назаровной несколько удивительных вечеров – я привезла из экспедиции 11 часов аудиозаписей.

Оказалось, что Евдокия Назаровна в свои 97 лет – она родилась в 1917 г. – обладает потрясающей памятью. Лучше всего она рассказывала о том, что ей самой довелось пережить, поэтому от направленного интервью по формализованным опросникам мы быстро перешли к свободному рассказу. Евдокия Назаровна родилась в станице Крестовой Астраханской губернии (ныне – село Первомайское Ремонтненского района), участвовала в становлении первых крестьянских совместных хозяйств – крупной сельскохозяйственной артели имени Анацкого (на территории нынешнего Ремонтненского района), овцеводческого колхоза «Красный чабан», уже в Зимовниковском районе Ростовской области.

В памяти Евдокии Назаровны запечатлелись и исключительно ценные для этнографа события – свадьба в Крестах середины 1920-х гг., на которой она присутствовала, будучи девочкой, калмыцкий быт начала 1930-х гг., включая фрагмент традиционной свадьбы, о которой она помнит благодаря тому, что в эти годы отправлялась с отцом на заработки в Калмыкию. Настоящая публикация включает фрагменты воспоминаний Евдокии Назаровны о событиях 1930-х гг. – сельском быте, организации первых колхозов, неудавшейся попытке обосноваться на Кубани, возвращении на родину и обустройстве, организации одного из первых детских лагерей в Задонье.

В речи Евдокии Назаровны проявляются некоторые черты южнорусских говоров, в частности, мягкая финаль глаголов в третьем лице единственного и множественного числа настоящего времени (*поподкидывает, заставляють* и др.), произношение местоимения *что* как *шо*. Поскольку эти диалектные черты регулярны в речи респондента, в тексте они не отражаются. Однако мы сочли возможным передать на письме особенности произношения некоторых диалектных слов. Произношение предлога *у* при существительных в родительном падеже как *в*, произношение звука *в* как *у* неслогового нерегулярны, поэтому они приводятся в тексте, там, где они были замечены. Оставлены также некоторые отличающиеся от литературных формы слов.

Во время беседы в продолжение всех сеансов записи неоценимую помощь мне оказывала дочь Евдокии Назаровны – Светлана Андреевна Дубинская – известный человек в районе, много лет проработавший в образовании. Реплики Евдокии Назаровны отмечены ее инициалами, реплики Светланы Андреевны – инициалами С.А. Вопросы интервьюера выделены жирным шрифтом, пропуски текста обозначены многоточием в квадратных скобках, редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках. Проводила и расшифровывала интервью Н.А. Власкина.

Скажите, а у вас там, в селе Кресты, калмыки были? Жили?

Е.Н.: Нет, в Крестах калмык не было, а тут от [...] они жили так, сами по себе, по хуторам. Где там прицепились, в степи, и так жили. Ходили. Было, как идет: «Хозяин, арбот¹ есть?» Папа, мама уважали калмык, никогда не пропустит. Калмыки никогда не просили, как цыгане. А идет: «Хозяин, арбот есть?» – «Есть, есть, заходи». Наши папа, мама уважали калмык. Хоть нет там работы, а они всё равно, лишь бы накормить человека. Накормят, поведут его в дом. Бывало так, что у базу² кизеки резать весной. Зимний же это помет раскидает, а утапывается хорошо, и получается, называли кизеки, гной³. Порежут его, посушат, это было топливо.

С.А.: Самое хорошее топливо для печки хлеба, выпечки хлеба было.

Е.Н.: Ставлют, там он поподкидывает, это первая их работа – чистить канавы. Канаву папа заставляет чистить.

С.А.: Заборов тогда не было, а весь их участок обносился, я даже это помню, бегали по этим канавам, и дреза⁴ росла. Дреза, дреза вокруг, выше меня ростом, ужас какие эти. Вот эти канавы и обчищались вместо забора.

Е.Н.: У нас был огород, ну впереди как, возле порога, а то был же там, где скирды стояли. То был огород. А дальше был сад, рядом с нами четыре хозяина жило, ни в одного в огороде ничего не было. Абсолютно. Бурьян рос и всё. А мы с папой, уже ж я подросла, мы с папой копаем, это уже после, как с Кубани пришли в тридцать втором году. Копали, сажали, цветы у меня возле порога, клумбы там такие. И как в огороде в том и кукуруза, и подсолнухи, и картошка, и чеснок, и лук, и кабаки, и что только хотишь.

С.А.: Ну, всё свое было.

Е.Н.: Люди идут и удивляются: «Ой, Назар Сергеич, наверное, колдун. Ни у кого ничего нет, а у Назара Сергеича он что». А тогда были мельницы паровые, это, ветряные. На мельницах же мололи муку. Придут люди и говорят: «Ой, там у Назара Сергеевича

¹ Арбот – искаженное *работа*.

² Баз – огороженное место при доме для содержания скота, скотный двор.

³ Кизяк, гной – высушенный или переработанный навоз, используемый в качестве топлива.

⁴ Дреза – многолетний листопадный колючий кустарник семейства пасленовые.

в огороде – там это рай, рай». А то ж мирошник – пожилой человек. Кто ни придет, все хвалят. И он решил прийти, специально посмотреть.

С.А.: Человек, который молот муку, назывался мирошником.

Е.Н.: И он решил прийти посмотреть. Пришел это, зашел в тот переулок, а квартал целый, четыре еще двора, а дворы были широкие. Ни в одного нету ничего, а в нас виднеется ж там. И он прям через те канавы попрыгал, пришел до нашего огорода, и своим глазам не верит. Не верит глазам: да как же так. Ни в кого ничего, а у Назара Сергеича всё вот такое. Красота, одна красота и всё. И там кенаф¹, вы его тоже не знаете, кенаф. Я его сама не знала, кенаф.

С.А.: Растение такое.

Е.Н.: Растение такое, как ветка, а с него делали шпагат. А цвело оно розовым цветом, как розы, прямо вот так, как виноград, вот такие комки цветов. И папа тож привезли с Краснодарского края, этот же кенафчик – то розовым, подсолнухи – желтым. Красота невозможная. Так он не вытерпел, пришел к папе и говорит: «Назар Сергеевич, ты, наверное, колдун». Папа говорит: «Да, я колдун. Могу тебя научить колдовать». – «А как?» – «Да вот так, вставай рано, вставай рано, бери лопату, иди, копай. А днем посеешь, посадишь, а на вторую ночь – опять, бери лопату, копай, до утра накопаешь, а днем посеешь». Вот так отвечали. Ну что еще вам?

А как вы оказались на Кубани?

Е.Н.: А на Кубани как оказалась...

С.А.: Не так, давайте сначала за коллективизацию вы расскажите, мама.

Е.Н.: Дальше уже коллективизация. В двадцать девятом году, оно началось еще с двадцать восьмого года, начали уже вербовать, уговаривать людей в колхоз.

С.А.: Ходили по селам агитаторы такие.

Е.Н.: В колхозы. Приезжали из района комиссия, три-четыре человека, каждый вечер и агитируют в колхоз. А люди ж не знают, а что такое колхоз. «Да вот, будем работать вместе». После войны что осталось же. Лошадей забрали на войну, пооставались – у кого кривой, у кого слепой, у кого больной конь, а быков порезали, тоже пооставалось там несколько. Ну теперь, а их же и уговаривали: «Что ж вы будете делать с своим, у вас один бык. Что вы с ним будете делать? Вот у вас один бык и в соседа один бык, уже два быка, вы можете вже плужок зацепить и вспахать свою полосу, а нет – так вот соберемся все вместе». И показывает даже на примере: на столе что-нибудь тяжелое поставит, вон гирьку или что. «И вот смотрите, вот я одним пальцем – тяжело поднимать, я не подниму. А вот двумя пальцами я уже поднял. Вот так и мы. Если мы сплотимся и будем работать вместе, и как у нас будет хорошо. Мы вспашем, уже полосок этих не будет у вас, будут, то было наше, нет, то было мое, а теперь будет всё наше. Вот мы общими силами вспахали, посеяли и уберем общими силами. Сколько уродит – сколько разделим – там, сколько кто работал».

А люди что-то сразу не пошли некоторые в колхоз. У колхозы не пошли, а некоторые – записаться записались, а работать не хотели, ну люди непривычные. Лежит дома, скажут, придет там бригадир: «Идите на работу». – «Что я пойду за палочку работать?» И лежит дома, не работает. А когда пришел отчетный год, отчетный год, а за год люди, сколько кто работал, заработали этих палочек, трудодней. Получали и по три тонны зерна, и по пять тонн зерна, ну всё: и пшеницу, и ячмень, и просо, и всё. И горчицу на масло, всё получали на трудодни. А тот тогда лежит и думает: «А-а, хорошо тот получил». А в него ничего нету. Вот так. Ну сперва, первый урожай когда.

С.А.: Нет, ну вы ж еще забыли сказать, как некоторые ж саботировали. Вот она ж говорит, а некоторые даже говорили им: «Что вы соберетесь туда, будете все вместе, как под одним одеялом спать», та-та-та-та-та. В общем, всякого.

Е.Н.: «Не ходите в колхоз, не ходите. Вы будете с одной чашки все йишь, и жены будут общие. Не будет у каждого жены, а общее».

С.А.: Многие перепугались.

¹ Кенаф – гибискус коноплевый (*Hibiscus Cannabinus*), его волокно используется для изготовления упаковочных тканей и мешков, выработки ковров и скатертей, стебли – для изготовления бумаги и картона.

Е.Н.: А люди боялись, не шли. А кто пошел, и получилось хорошо. И так хорошо, такие люди радовались.

С.А.: Тем более у нее отец такой трудолюбивый, он сразу там в почете был, он вообще никогда не пропускал.

Е.Н.: И агитировали, что у вас всё заберут: и коров, и там овечки, свиньи, у вас ничего не будет, всё заберут. А забрали в колхоз только быков, сбрую и это, ну возилки, ярма там, хомуты там для лошадей. И соединили всё.

С.А.: В общем, животных и техника, которая была.

Е.Н.: Как хорошо, всю рабочую технику.

С.А.: Как колхоз назывался, скажите, чтоб знали.

Е.Н.: И называли колхоз имени Анацкого¹. Ну был такой, наверное, знаменитый человек, погиб на войне, имени Анацкого, председатель колхоза был Другалёв Никифор Николаевич. А завхозом был Терентий Миронович...

С.А.: Говорили мне, и я забыла тоже.

Е.Н.: Сразу выскочило, Заполиванный. Сергей Миронович Заполиванный был.

С.А.: Терентий Миронович или Сергей Миронович?

Е.Н.: Терентий Миронович Заполиванный.

И что потом? Коллективизация...

Е.Н.: И потом, потом колхозы начали хорошо работать, много люди вже поднялись с колен на ноги, а врагам, врагам-вредителям, не понравилось это. И начали вредить. И начали отправлять на Кубань, начали опять же: то в колхоз уговаривали, а теперь начали уговаривать этих же колхозников ехать на Кубань. На Кубани земли хорошие, будете получать хорошие урожаи.

С.А.: Это ж была политика еще и правительства.

Е.Н.: Будете жить, куда там. Там и виноград, там и мед, там и сады, там и всё, хлеб белый. Ну и уговаривали – люди ни в какую не хотят. Всё ж бросить свое добро, подворье бросить и куда-то, Бог знает где. Не хотят ни в какую. А им говорят так. Уже опять приезжает комиссия, так же уговаривает, что если вы по согласию не схотите ехать в Краснодарский край, то вас так вышлют, как выслали кулаков. Подогнали подводу, не спрашивают: что там, ты хочешь, не хочешь ехать, подводу подогнали, что в руки узял, то и всё. И так кулаков увезли куда-то далеко, не знаю.

С.А.: В Сибирь.

Е.Н.: «Вот так и с вами сделают, если вы не согласитесь ехать в Краснодарский край». Ну люди ж каждый думают: «Если мне ехать с пустыми руками», а тут говорят: «Если сколько ты подвод, волов, ну быков, сколько ты возилок запросишь, сколько тебе. И всё заберешь, забирайте всё, что можно поднять. Только останется там хата, сарай, это, подворье. А то всё заберете». Ну, правда, они всё так и сделали. Кому две – мы две подводы, другим – три, третьим – четыре. У некоторых пять подвод. И так в пять подгоняли. А пока выехали, только выехали с Крестов, в одних начались роды. Там прикрыли одеялом или рядом² бричку, родила на дороге, по дороге прямо. А там еще что-то случилось. И вже наши первые вже приехали в Приют...³, а те еще и не выезжали. Приехали в Дивное⁴, Дивное тогда было – Гардачи называлось.

Это рядом с Армавиром? Или другое?

Е.Н.: Да, это туда, Армавир, Гардачи.

С.А.: В сторону Краснодарского края.

Е.Н.: А тут же от нас это Кресты, потом Цымбулук⁵, а потом Кормовое⁶ и Дивное, теперь оно Дивное, а тогда было Гардачи. Это нас привезли туда, сгрузили. И коров люди

¹ Анацкий Пётр Антонович (1879–1918) – участник трех войн, полный Георгиевский кавалер, в годы Гражданской войны командовал Степным фронтом, штаб которого некоторое время располагался в селе Кресты.

² Рядно – домотканое полотно.

³ Имеется в виду село Приютное, ныне – районный центр Республики Калмыкия.

⁴ Село Дивное в настоящее время входит в состав Апанасенковского района Ставропольского края.

⁵ На картах описываемого периода не обозначен.

⁶ Кормовое – село, в настоящее время входит в состав Ремонтненского района Ростовской области.

везли, и собак везли, и мы собаку везли на возилке. Всё, всё, раз... Ну они по-честному сделали. Как сказали, так и всё забирали. Ну а тут же привезли, а сколько ж их там, как сгрузили, сгрузить – сгрузили, а потом не дождемся, когда придут же нас, вагоны.

С.А.: Поезд.

Е.Н.: Когда вагоны подадут.

С.А.: Поезд, поезд. С Дивного до Краснодара надо ехать на поезде. В Дивном они разгрузились.

Е.Н.: Через двое суток только, наверное, подали вагоны. Вагоны такие, рабочие. Погрузились, и повезли нас в Краснодарский край. Сюда на железную дорогу привезли, на вокзал, где там, опять же там сгрузили, а вже с Краснодарского края подводы пришли быками, и каждому: вот у нас две подводы, мы ехали на двух, так и там две подводы подогнали, нагрузили и привезли в станицу Лабинская¹. В станицу Лабинскую. А она такая станица, в длину строилась, больше строилась по-над речкой. И километров, наверное, пятьдесят в длину. Ну и расстановили нас же там. Нас поставили к одним, семейно, люди живут семейно: бабушка, бабушка, дочка, внучка, и нас поставили в эту семью. Ну какая жизнь для семьи? А бабка такая свильливая², такая.

С.А.: Так вас же сколько приехало, вы ж не сказали, сколько вас приехало: отец, мать, вы и брат. Четверо вас приехало.

А остальные сестры-братья?

С.А.: А остальные поумирили.

Е.Н.: А остальные уже ж, те замужем, те замужем пооставались. А Наточку ж...

С.А.: В Днепропетровск брат забрал.

Е.Н.: И нас четверо оста... Ну жили-жили мы, не дает эта бабка нам жизни, и всё, не дает. Матится³, нельзя ни щепку подобрать, ни кору, чтоб там, начнут же что-нибудь сготовить кушать. Ни печки. С ведра папа сделали печку, прорезали внизу, чтоб подкладывать эту, котельчик становить, ну живем как-нибудь. Коровка, телок есть. Там до речки – деревьев там не видно на ту сторону, мы даже и не знали, что на ту сторону есть, еще живут люди. А потом одно время ночью в репродуктор кричат, свистят. Как его называют, вода пошла, как назвать?

Ледоход? Половодье?

Е.Н.: Лето, прямо сухо, ни дождя, ничего.

Наводнение?

Е.Н.: Ага. Потом кричать же: убирайтесь. А! Строилось как, прямо на куту⁴. Тут высоко-высоко проходит улица, а эти построились прямо на куту. И эта вода как пошла, ни дождя не было, ничего. Как кричат: «Вода, потоп, потоп!» Нам – папа, я, мама – вышли на бугор, а папа коровку отвязали, она была там, аж возле речки базок. Телка и корову привели до порога и собаку отвязали. А она, вода, моментально набирается, набирается, уже вот-вот-вот в дом набезит. А дом стоит на таких сваях, на что там, на кирпичках же или на камнях, не знаю.

С.А.: На камнях, какие там кирпичи тогда были.

Е.Н.: Но высоко стоит, сантиметров на восемьдесят от земли. И как набрался этот уже двор, корове уже выше живота так, а телка папа затянули у коидор, а собака, пока можно было ему бегать, бегал-бегал во дворе, а нигде не выскочишь, двор плотно загорожен, а потом уже видит – беда, что совсем уже он начал выть, папа позвали его, он пришел сюда, и завели его. Так он с телком рядом, в коридоре лежат. А вода всё выше, всё выше. Сантиметров на десять, папа говорит, только не дошла. Вот восемьдесят сантиметров вода не зашла. Вот так шла вода быстро. Папа говорят: «Я должен был и корову тянуть у дом». Ну ничего, стала вода, остановилась, чуть-чуть тише, тише стали идти. А уже к утру стало. Так люди там уже привычные, начали ловить, у людей видно, крючки уже поделали, петли поделали. Уже видно стало, мы оттуда спустились, а там над речкой вода только идет по руслу, по руслу, ну по круче. А тут у нас, я ж говорю, тогда деревья были, мы не видели, что

¹ Лабинская – в настоящее время город Лабинск, районный центр Краснодарского края.

² Свильливая – лукавая, увертливая, своенравная.

³ Матиться – ругаться, сквернословить.

⁴ Кут – угол, край станицы.

с той стороны. Вот так сильно вода шла, что все деревья эти поломало, и видно на той стороне еще село, село. Ну люди тут, мужики ловят. Тот поймал на крючок: и гуси плывут, и куры плывут, и овцы плывут, и помидоры, и капуста, и бураки¹, ну всё плывет и всё. Ну кто, я говорю, люди там привычно, ловят, кто что. А одни лошадь как начали ловить петлями, четыре мужика, петлями. Хотят накинуть на... а она, бедненькая лошадь, видит же, что спасать ее хотят, сюда бьется, а ее волна как ударит на ту сторону. Ну вытащили. И всё-таки одному кинуть – не достанут. Только подплывет, кинут – не попадет петля. Но один всё-таки кинул, петлю затянул и выволок ее. Он весь побитый, весь в крови, шкура порватая. Но деревья что повалило, а он плыл и везде. Ну это так было на Кубани.

А в каком же это году было?

Е.Н.: На Кубани были в тридцать первом году. В тридцать первом году. Наши повезли первого, ну с марта месяца, в тридцать первом году привезли туда. А там создалась тройка, враги народа работали. Создали тройку – три дяди таких, что и ходят и днем, и ночью ходят до каждого. Ну там не в позднюю ночь, может, ну до нас приходили в одиннадцать ночи. Приходят и говорят: «Кто вам давал эту квартиру?». Им отвечают: «Нам в колхозе дали». – «Как? – говорит. – Какое они имели право распоряжаться квартирой? В этом доме есть хозяйева, они приедут, будут жить. Так что спокойно». Они не били нас и не гнали в шею. А вот а словами так, вроде как уговаривали: «А вот уезжайте по-хорошему. А не уедете по-хорошему, хозяйева приедут, приедут, будете жить вместе с хозяйевами». Ну кому это понравится. Всех предупреждали вот так.

И к нам так же зашли, к нам в дом зашли три человека. Я уроки сижу, делаю вечером, часов в десять вечера. Папа тут что-то там починяет, мама прядут. А у нас собака злая была на цепу. И сразу как загавкает, а он уже и дверь оттуда открывает, а дверь на улицу-то сразу, откроешь – и на улицу, летняя дверь. Заходит в комнату дядя такой, кругом посмотрел, посмотрел, а мы ничего ж там еще и не раскрывали. И сундук, и там ящики позабитые, железом позабитые, ну нам квартиры нет.

Это с той квартиры, что я говорю, бабка, дали еще одну квартиру. Дали как домик, ни хвилек², а там же домик он строится. И прямо, ну абсолютно ничего: ни столбика, ни палки, ничего, стоит одна хатка, и всё. А сама и сейчас думаю: «Как же мы думали жить?» Думали, решили вырваться хоть с того гнезда. Приехали, с папой посмотрели, ну что, переходить. Одну возилку-бричку привезли вещей, зеркало сверху, а зеркало большое, так метр рама в нем, красивое зеркало, на куче, на том лежим, зайчики, а я в своем домику, правда, чисто в домику, не обвалено, не оббито. Паутину снимала всё там, пыль повытирала, пыляку сняла. Ну одна комната и всё, и тут маленький коридорчик. Всё поприбирала и на улице, всё поподметала, готово.

Ага. Подходят три дяди, те ж три дяди, три дяди. Подходят: «Кто вам давал эту квартиру?» – «Нам в колхозе дали». – «Какое они имели право распоряжаться чужими квартирами? Не занимайте эту квартиру, у ней есть хозяин, приедет, и вы будете вместе жить». А я тогда и стою. Они сказали и ушли. А я и стою. Ну что делать. Уже вещи здесь половина, и другую половину папа привезут. Привезут, да опять так нагружать тут. Думаю, бросила всё, кому оно нужно, бросила и как пустилась, бегала быстро, побежала и успела прибежать. Прямо добегаю, добегаю, а папа уже сидят, уже всё нагружено, и лошади уже выходят со двора. Папа: «Но», а я как крикну: «Пап!» – «Что такое?» Я – отак, отак. Пришли три дяди, сказали, чтоб. Ну всё. Сгрузили назад эти вещи, папа поехали, опять же поехали у колхоз, этой же подводой, квартиру. А они – дали. «Вам же дали», и всё отак-отак. «Давайте нам квартиру». Дали квартиру, на бугру квартира, прямо подъехали, да ты что! Дом – красавица. И начали жить. Начали жить – и в эту квартиру, я ж говорю, три пришли, три дяди. И говорят: «У этой квартиры есть хозяйка, она придет, будете вместе жить». На второй день появляется хозяйка, а брат уже уехал.

Домой?

Домой, братик, братику было девятнадцать лет, ночью на улицу хоть не выходи. Выходит, ну а хочется ж, молодежь, пойдут, а там наших как начнут голышами, голышами.

¹ Бурак – свекла.

² Хвилек – флигелек.

Камнями прямо били?

Ну били голышами, даже одного, наверное, ну точно не знаю, убили или нет. А то, если что не схочет, кидается, значит, с ними вроде, обороняется. Его как поймают, с одного всю одежду сорвали, порвали на клочья и ногами потоптали, это одному так. А другому прямо, то всё кричал, оборонялся, а потом уже упал, начали его бить и стянули с него все вещи, порвали на клочки, ногами потоптали, и он уже не стал кричать. Так братик, я не знаю, живой он или убили его, Бог его знает, а братик, и мама приказывали: «Сынок, да не влипайте в это, раз видите, что начинает драться, не влипайте, уходите». И он – правда. Или слушались, или сам, самому было страшно. Они с другом понаблюдали это, видят, что вже, считай, убили человека. Так они как рванули убежать. Прибежали до нас, застучали, а мама всегда, как придет братик, застучится, мама: «Сынок, ты одетый или голый?» А он: «Открывайте, я одетый». А то разденут, наголо разденут. Но они прибежали – убежали оттуда, как зашли, и сразу прямо брат говорит: «Папа, мама, завтра мы с другом уезжаем, не будем, – говорит, – ждать, пока нам головы попробуют голышами». И на второй день уехал братик. А мы остались втроем. Мама прибалывает, и я тогда как расплакалась, папу уговаривали: «Давайте ехать», а папе понравилось дуже¹ – земли много, да тут посадим сад, да тут посадим картошку, да тут всё. Там огород такой, как, ну гектар, наверное, не меньше гектара. Ага. Мама: «Да на грец² оно тебе нужно, да что ты там. Они ходят, досками загорожено, а они поприбивают доски, только поприбивают, утром пойдут – всё, доски оборватые, какие на дороге лежать, а какие висят. Опять папа ремонтирует.

А куда он доски прибивал?

Ну там же, там есть забор, забор, забор. А оно [подворье] как раз над переулком. И загорожено досками, это ж не мы загородили, там было загорожено. А мы ж приехали, и [местные] начали вредить, там ихних, пообрывают доски, папа поприбивает. На второй день придут – оборванные, те на дороге валяются, а тех совсем нету. А какая тут... Опять. Мама ругают. А такой двор большой! Вот хоть верите, хоть нет. Мама говорит: «Зови папу завтракать». Я вышла – папи не видно. Во-он аж вот там, вот там, вот там где-то воруются³, чуть-чуть видно, что. Ну я ж говорю: гектар, это ужас. А им тоже ж. Любили папа землю копать. Ну и всё. И я плачу, плачу. А потом, после тех трех, женщина пришла на второй день, и тоже: «Кто разрешал квартиру? Это квартира моя, я приду. Или добровольно уходите, или я приду, будем жить вместе». Спрашивает у мамы: «Как вы, согласны со мной вместе жить?» А мама говорят: «Нет, нет». Они говорят: «А Бог его знает, как можно: две семьи – жить в одной квартире. Это надо дочку спросить». А я сижу на печи, на русской на печи, читаю книжку, урок учу. А она говорит: «А как дочку звать?» – «Дуняшка». Она подходит до печи: «Дуняшка, ну как ты, согласна со мной вместе жить?» – А я говорю: «Нет, не согласна». – «Ух ты, какая строгая, ты корень пропустила глубоко?» – А я говорю: «Через печку в землю». – «Хух, какая ты цикавая⁴. Вот приеду, и будем жить вместе». Я говорю: «Нет, не будем, и всё». И она ушла, а я как начала плакать, и к папе с тем, что я уеду завтра: «Я уеду». А мама плачут: «Дочечка, что ж ты въедешь, а я ж болею, как же?» А папу не уговорим, всё, а потом уже и папа сдался, и начали. Коровку продали, одна коровка стоит, стоит, ни пастись не выходит, худая. Коровку продали, собаку людям отдали, в общем, там что пораздавали, людям пораздавали. На базар что вынесут, никто не берет, не покупает.

И туда ехали на двух возилках, оттуда – бричкой. Бричкой – взяли, наняли, так он, бричкой отвезли, отвезли первую бричку вещи, а потом приехали уже, нас забрали, и мы поехали домой. Приехали домой. Не домой, да, это длинная сказка. И поехали. Папа остались, будут ехать, как вещи наши погрузят, папа с вещами будут ехать, а мы на таком же поехали поезде. В Краснодар приехали, мама больная, я тяну маму, тяну ящик, там ящик каким чином остался. Ну, с Краснодара выехали, в Дивную приехали. В Дивную приехали – и идем же прямо. А мост, мост недалеко уже через Маныч, мост. Там специально дежурные, милиция стоит там, домик, милиция там живет, и они говорят, не пропускать зря кого. Ну а мы ж пошли, пошли, приходим, а нас не пропускают. Надо пропуск, надо в

¹ Дуже – очень.

² Грец – черт, нечистый. На грец – зачем.

³ Воруются – двигаться, шевелиться, ворочаться.

⁴ Цикавый – бойкий, смелый, чересчур острый на язык.

Дивном брать в сельском совете пропуск. Мы просились-просились, мамочка старенькая. Я прошу: «Мама больная». Ни в какую не пропустят. Пошли мы назад в сельский совет же, а там людей – уже по три – по четыре дня ждут, очередь, и никак не дождутся. Ну а мне как-то тут уже посчастливилось что ли. Встретилась девушка с нашего села, повстречались, поздоровались, она говорит: «Ой, Назаровна, та мы, – говорит, – я, – говорит, – уже три дня живу здесь и никак не дождусь очереди». А очередь – ужас, лежат люди по двору, и в совете полно. Ну а тут или, може, пожаловались на мамочку, эта девка со мной подружались, и приходим в сельский же совет, прямо в сельский совет зашли, мама ж больная, просим. И они сразу выписали пропуск, сразу выписали, и эта девушка помогла, через, уже через Дивную тянут тот ящик, и вышли вже мы, ну уже последние дома, тут уже степь, и видно вже мост. А мост недалеко так, ну, с полкилометра, може, или несколько метров. Сели отдохнуть под последним домом там, на завалинку, сели, отдыхаем, а смотрим – из моста выехала, выехал кто-то парой лошадьми, бричкой. А эта девка сразу говорит: «Ой, вон мой братик поехал, Петя поехал». А я: «Да откуда он, братик?» – «Нет, то братик поехал, то братик». И она подхватывается, дальше отбегает, машет платком и с тем, что братик, и всё. И я вышла, машем платком, машем платком, а он едет, не видит. И уже доезжает до села прям, чи, может, ему кто сказал, чи сам как-то. Увидел, что машет. А так он бы в село въехал, и разминулись бы. Мы машем платком, машем, он увидел. Смотрим – поворачивает, едет к нам. И действительно, ее брат. Так вот нам посчастливилось, а то я не знаю, с мамочкой бы, что, пеши идти шестьдесят километров, мама больная. Ага. На бричку сели, мы с мамой на ящик сели, а она села с братом, на доске сидят. И они приехали. Ну что еще?

Расскажите, как дальше. Очень интересно вы рассказываете. Что дальше было? Как вы вернулись? Вы потом в Кресты вернулись?

В Кресты, вот это ж прямо домой, прямо до порога тот парень нас подвез, наш дом остался целый, ну в общем, всё целое, не, не всё. Хвигель, кому-то надо были окна, наверно, строился, а в хвигеле окна красивые, большие. Так прям от так, а он же хвигель, и я ж вам говорила, и амбар. Так отак отрезанный, так аккуратно отрезанный хвигель, а коридор и погреб, коридор и кладовая остались до того, до сарая. А от эти углы забратые, и окна забратые. Ну мы за тем не жалели абсолютно. Дом абсолютно целый, ни стекло не разбитое, потому что там у нас организовали какой-то, назвали какой-то квартал, квартал. Вот неграмотный мужик там сидит, неграмотные мужики вечером собираются со всей улицы, собираются там в доме, что там у них.

С.А.: Разговаривают, новости там.

Е.Н.: Курят, плюют там, харкают. Ага. И в доме уже как у кибитке. Столы, два стола длинные, две скамьи длинные, там что ты куда! Ну! Сходятся.

С.А.: Все со всего же квартала этого.

Е.Н.: Квартал называется. А мы ж это с мамой приехали, сразу я тут, посадили возле порога помидорчиков немножко, то перчик, что там. Картошки немножко, с ведро, прям возле порога. И тут я клумбы посадила, цветы. Ну с мамой-то, а живем у той кладовочке, где осталася от хвигеля кладовочка, кладовочка и колидор. У колидорчику печечка, у нас была печечка, так она и есть. В кладовочке живем. И смотрим же на этот дом, на свой же дом, жалко, стоит такой бедный, скучный, ну считай: немазанный, небеленый, подваленный, уже некоторые углы обвалены. Смотрели-смотрели, и мама и говорят: «Дочечка, давай, – говорит, – хоть углы позамазываем». А дождь, и дождь, и дождь, и дождь. Каждый день дождь идет. То до обеда, то после обеда. Уже возле двора возле нашего лужа стоит уже зеленая, а мама говорят: «Давай хоть грязюкой эти углы позабываем». – «Ну давайте». – «Яму не будем копать, а прямо грязь, сбием вот так грязь». Пошли в огород, посмотрели там старинные, давние, загата стоит, она уже сгнила.

С.А.: Загата – знаете, что такое?

Нет.

Е.Н.: Загата – канава.

С.А.: Загата – это вокруг сараев раньше делали из соломы забор. Вот как загородка для сарая. И зимой овцы там или коровы выходили сюда, а всё это было, спрессовано было уже, солома сбита, ну чтоб там, наверное ж, ставили какие-то эти, палочки, чтоб оно не расплзалось.

То есть это как забор перед сараем, чтобы овцы не разбегались далеко, да?

С.А.: Да, и тут как зимой выход был. Вот, это загата. К загате там же столбы, и ворота ж, и открывалось, и там поили, там кормили, и всё такое. А на ночь загоняли в сарай, чтоб тепло было, вот так. Животные ж должны были прогуливаться. Так, [рассказывайте] дальше.

Е.Н.: Ну вот мы пошли, ту загату посмотрели, как раз оно уже поперепревало, принесли несколько грязюки, сдвинули вот так, я замесила ногами, ну позамазывали, где здорово обвалилось, позамазывали черной глиной. Ага. На второй день уже я собираю конские, конский кизек, кто коров прогнал, я собираю, песка натаскала в балке.

С.А.: Потом поновляли, так называется.

Е.Н.: Поновили, а представьте, в сарае – у нас полный сарай оставалось лесу, лесу: доски, бревна хорошие такие.

С.А.: Отец был хозяин, поэтому.

Е.Н.: И вот, наверное, Кирилл же продал его, всё это продал.

С.А.: А Кирилл – это зять был старшей сестры.

Е.Н.: Из наших же бревен и досок кто-то строил, и понадобились ему эти окна. И хвигеля отрезали половину. А в сарай, что было в углу – грабли, лопаты там, вилы, тляпка, глина белая, куча глины лежит – ничего не тронута. Ничего.

С.А.: Потому что вроде бы ж собрание было всегда, начальники собирались, никто туда не лез.

Е.Н.: Никто не за... В доме даже, знаете, полки, у передней полки, не кровать, а полки, а на полику там то полсть, то рядно, то там.

С.А.: Полки – это лавка.

Е.Н.: Куртка пооставалась там, как лежала, так и лежит. Ну ничего-ничего не тронута. Ну и полазили мы это с мамой, потом поновили, а лестница сохранилась.

С.А.: Мам, а сколько ж вы там были, в Краснодарском крае, что вот за это время, за этот промежуток это всё осталось? Сколько ж Вы там были?

Е.Н.: В тридцать первом году, в марте, мы туда приехали, а оттуда в марте... Ну год. В марте месяце оттуда уже мы приехали.

С.А.: А в тридцать втором уже приехали. За год даже никто ничего не растянул.

Скажите, а в тридцать втором году, я слышала, голод был сильный.

Е.Н.: В тридцать первом был сильный голод, потому что, вот потому ж и.

С.А.: Вот это ж так и образовался голод, потому что их туда перекинули, люди, там не давали, ну не посеяли и всё.

Е.Н.: Представьте себе: в марте месяце надо сеять, ну по домашности там кто вскопал, а то сеять надо, а они в марте месяце посылают в Краснодарский край. Уже не посеяно, ну вот.

С.А.: И оттудова они вернулись в марте. Опять чем-то надо сеять. Вот и голод.

Е.Н.: И образовался голод. Селами люди вымирили, селами. Вот в селе все умерли.

А когда голод был, Вы были в Лабинской или уже вернулись в Кресты?

Е.Н.: Мы уже вернулись в Кресты, мы у Кресты вернулись и тоже голодные были, вернулись, папы еще не было, мы с мамой вернулись, живем с мамой, а папы еще нету. А мы же начали тот дом мазать, помазали дом, побелили, со ставнями. Голубые ставни, повытирала, оно всё, снаружи вся паутина, ну всё повытирала. А мужики там же, в комнате, улыбаются, смотрят там: «Дочка, дочка, вот еще вытри, вот-вот, вытри». А мне-то хорошо, что он показывает, где. А в хате ж, из комнаты уже стекло не видно, уже там.

С.А.: Заросло дымом и пылью.

Е.Н.: Дым, ага. Всё, как побелили дом, ну кто не идет, так: «Ой, сразу видно, что хозяйева есть, сразу видно, что хозяйева есть». Ну опять, прошло несколько дней, дом у нас – красавица, с мамой в доме копаемся, мама и говорят, мама пошли посмотреть, что ж там мужики делают: читают, или рисуют, или что. Полный зал! Сидят, курят, плюют, харкают, а говорит, а дыму! Топор вешать можно. Мама заходят, и стены черные, как у кузнице. Мама заходят, начали бурчать, говорить: «Ай-яй-яй-яй-яй, мужики, да что ж вы делаете, чем же вы дышите, уже от дыму не видно окон, что ж вы харкаете на пол, да еще и разотрет его так». Ну они молчат. Мама там побурчали и вышли, ничего не сказали. Приходят, мне рассказывают. А потом говорят: «Я скажу Андрею Васильевичу, – безграмотный

совершенно, а он начальник был, начальник, – я скажу Андрею Васильевичу, может, разрешит выбелить». Ага. На второй, на третий день заходят, а он один сидит, с внучками, у нас рано открывались, а он сосед, через улицу. Три внучки у него, он кричит: «Идите сюда!» Они поприбегают, он целый день с ними играет. Днем мужики на работе, а вечером же приходят в этот гвалт.

С.А.: Обсуждают дела насущные.

Е.Н.: Политикой занимаются. Ну, мама заходит, а он же ж с внучками. А мама и говорит: «Андрей Василеч, давайте, – говорит, – я вам выбелю, мы вам выбелим у комнате. Ну что это вы в такой грязи сидите». Он: «О! Кузьминична. Пожалуйста, пожалуйста. Если можно, пожалуйста». – «Ну, – говорит, – давайте ключи, мы завтра начнем». Он маме ключи с удовольствием отдал, ага. Мама приходит, говорит: «Андрей Василеч разрешил завтра выбелить». А у нас же глина есть вон в сарае, набили глины, размочили глины, на второй день как узялись, один стол вынесли, одну скамью вынесли, ну один нужно ж стол, на столе чтоб. Я черную грязь собираю по стенам да по потолку, а мама за мной белит, белит, белит. Стол длинный, на одном столе стоим. Выбелили комнату, выбелили, окна повымывали. А окна – тут же эти, стенки, называли короба. Рамы голубые, короба голубые, всё ж повынимали. Красавица. Землю мазать противно было, пришлось, лопатой тягали.

С.А.: Счищать.

Это с полов?

С.А.: Ну да, с полов, они ж не были полы.

Е.Н.: Полов не было, земля.

С.А.: Там же земля была раньше, там не было полов, там земля и мазалась, вот они же счищали всякую гадость, а потом же начали мазать.

Е.Н.: Я окна повытирала, а окна, стекла – не видно на улицу, повытирала всё, красота, красавица-комната. Побелили, у зале побелили за день, стол вынесли, всё уже сюда, в переднюю, зал закрыли. На второй день утром прибегают, а у нас как раз стол стоит, до порога он прибегают, мужик зашел, но тут же стол стоит, не пройдешь: «О, Кузьминична, вы белите?» – Мама говорит: «Сейчас в зале побелили, а теперь от у передней». Он повернулся, ушел. Ушел, мы за сегодня у передней побелили, всё побелили, тоже так же красоту сделали, стол вынесли, скамью вынесли и в коридоре побелили, вышли с коридора, вот такой замок прицепили на дверях. Там от света замок был.

И там остались?

Закрыли этот дом, а тут верандочка, на верандочке пол помыла, всё, красота. Приходит Андрей Давыдович¹ завтра, приходит: «Кузьминична, дайте ключ». А мама говорят: «Андрей Давыдович, ключа я не дам». – «Как это вы не дадите?» – «Да так, не дам и всё. Издеваться, – говорит, – так над комнатой, что вы сотворили с нашей комнатой?» – «Так это ж дом не ваш!» А мама говорят: «А почему не наш?» – «Вы его бросили, уехали». Ага. «Это ж квартал, это ж уже государственное». А мама говорят: «Так почему ж ты этот квартал не привел к себе? У тебя тоже дом же есть? Что ж ты не привел? Что ж ты шел через дорогу с внучками играть? Почему ты дома не играл?» – «О-о, будем жаловаться». А мама говорит: «Жалуйтесь». И он прямо со двора хлопнул калиткой, ушел прямо, наверное, в сельский совет жаловаться. Ну а мы ж с мамой копаемся там возле порога. Перчик, что там, картошка, не знаем, что там, пололи, наверное. Вот тебе. Прибегают верховой, а он же как хлопнул калиткой, открыто, так, что верховой без остановки как бы заскакивает во двор, а мы тут во дворе, а он же там нажаловался, он прямо как закрутит лошадь, прямо аж лошадь вот-вот сядет на задние, на задницу. Крутит, дуже страшный человек. «Кто вам разрешал в этот квартал, почему не открываете квартал?» – Мама говорят: «Я не открою». – «Почему, этот квартал государства». – «Это моя квартира, мой дом, я ключа не дам». Он открывает: «Судить будем! Судить будем!» Мама говорить: «Судите, я не открою. Имеете право открывать, открывайте, заходите, а я ключа вам не дам». Не отдали ключ, он рванул, побежал в сельский совет тоже, наверно, жаловаться, что не дают ключ, и до сих пор мы его не видали.

[...]

¹ Вероятно, имеется в виду Андрей Васильевич, представитель начальства, о котором шла речь ранее.

Рис. 1. Е.Н. Дубинская с родными, село Кресты, 1933 г.
(фото из семейного архива Е.Н. Дубинской)

И ото я до марта месяца [1934 г.] поработала. А тут депеша, на заведующей детплощадки. Срочно высылайте пять человек на заведующую детплощадки. Как начали в колхозе выбирать девчат. Кого ж посылать. Та совсем неграмотная, другая совсем неграмотная, а третья буквы знает, но неграмотная. Она не хочет ехать, но что ж она поедет, ей стыдно ехать, она ж неграмотная, что ж. Уже они там собирают-собирают, вызовут одних – та не схотела, другая не поехала, ну кое-как таки собрали четыре, а надо пять. А пять надо – знают, что я – только вытяну я, стыдно вроде колхозу, что. И меня пятую послали. И сняли меня с кладовщиков, как раз один приехал с армии парнишка, Репкин Ваня, и его поставили кладовщиком, а меня послали учиться. И в тридцать четвертом году меня уже. Тридцать четвертый, тридцать пятый, тридцать шестой – я три раза была на курсах.

С.А.: Тридцать пятый, тридцать шестой – у вас даже фотография здесь есть.

Е.Н.: Уже работаю заведующей, и опять посылают меня, опять посылают пять человек обязательно, и с заведующей меня снимают и опять посылают учиться. Теперь, значит, уже три года, я уже работаю заведующей, три года работаю я ученой заведующей, а то я год проработала еще воспитательницей. В тридцать седьмом году уже опять пришла депеша, что немедленно зимой, немедленно организовать лагерь, местный лагерь организовать для детей. Зимой, зимой.

А зачем зимой лагерь?

Зачем? Ну затем, чтоб детей в лагерь.

А зимой они разве не в школе?

Нет, ну, слушайте ж. Зимойю – за зиму чтоб приготовили, пока в мае месяце дети закончат учиться. А на лето чтоб у лагерь. И наше правительство заворушило. Нашли место, нашли там амбары, а я вот не скажу, и сейчас не скажу. Четыре амбара и землянка-кухня.

С.А.: А подождите, вы уже за пионерский лагерь хотите рассказать? О, вот это интересно.

Как – зимой лагерь?

С.А.: Ну они готовят зимой, к маю чтоб он был готов. Потом в мае, чтоб они вошли в готовые эти.

Е.Н.: Чтоб подготовили, пока дети закончат в мае месяце, чтоб лагерь уже был готов. Ну, и правительство заворушилось: как начали готовить. И там сделали такой не лагерь, а чудо-лагерь сделали. Там подвал, там, видно, раньше жил человек богатый, там подвал – такой подвал, холодильник, что в жизни такого ни у кого нету, как что был подвал. И там

продукты, там лед, наши, наши ж набили льда. Набили, он подвал сделанный четырехугольный, сделали закрома так сантиметров на семьдесят вышиною, наверное, или восемьдесят. А в эти, значит, канавки, кругом заборчик, а кругом набивают льдом. Лед, на речке бьют лед, потом привозят, сюда кладут лед, разбивают его.

Рис. 2. Комсомолы на заседании бюро райкома комсомола в селе Ремонтном Ростовской области, 1936 г. (фото из семейного архива Е.Н. Дубинской)

С.А.: Вырывается подвал, накрывается так же камышом опять, потом лед засыпали соломой, и он всё лето до самой... Это у нас и в «Красном чабане» было, я жила, и в «Юбилейном»¹ так раньше делали, да.

То есть это зимой его набирали и туда забивали?

С.А.: Закладывали, и он всё лето, и потом кастрюли же с продуктами, и никогда ничего не пропадало. А сейчас холодильники – отключат свет, и всё. Дети травятся, дети травятся. А тогда не травились дети.

Е.Н.: А сам же, сам же он так сделанный, как бассейн.

С.А.: Цементом обрабатывали.

Е.Н.: Цементом, цементом, всё заделано цементом. Весь же в цементе, куда там: и пол, и весь, и эти ж заборчики цементом, крепкие, чтоб они не разбили же, когда понабивают, потом соломой накрывают, а на солому кладут такие рештаки деревянные, как пальцы.

С.А.: Рештаки – это вот сбитые такие.

Как щиты?

С.А.: Как щиты, только щели есть.

Е.Н.: А на рештаки – туда уже и мясо кладешь, и борщ становишь, кастрюлю становишь на эти рештаки. И оно стоит у нас там.

¹ «Красный чабан», «Юбилейный» – овцеводческие совхозы в Зимовниковском районе Ростовской области.

С.А.: Не прокисало, не пропадало ничего, потому что это был холодильник.

Е.Н.: И всё было приготовлено, как только ученики, школа закончилась, родительское собрание в школе, родители, всех же вызывают родителей. Родители на собрание пришли, начали им объяснять, родителям, что.

С.А.: Что такое пионерский отряд, да? Вы ж должны были организовать пионерский отряд еще там, да?

Е.Н.: Ну да, на собрании объясняют родителям, что теперь дети у детплощадку уже не пойдут, а пойдут в лагерь. А люди сразу: «А шо цэ такэ – лагерь?» А раньше ж людей как судили, судят, говорят: «Отправили в лагерь». И сразу люди боялись. «А шо цэ такэ лагерь»? Ага. Потом собрание кончилось, они у меня спрашивают: «Дуся Назаровна, а шо цэ такэ лагерь? Расскажуй». А как? И на собрании ж задают вопросы: «А шо ж оны там будутъ йисты, диты? А шо ж оны будутъ там делать?» Им объясняют: дети будут там отдыхать, там речка, там будут купаться, отдыхать, продукты там будут у них, и всё у них будет. Ага. А люди боятся. Первый раз же боятся. А кого выслать в пионерлагерь? Выслать в пионерлагерь надо пионер... Ну как бы назвать.

С.А.: Пионервожатую.

Е.Н.: Пионервожатый нужен. А его негде взять. Кого? Литвинову, Литвинову. Пионервожатый – Литвинова, заведующая лагерем – Литвинова, всё Литвинова. Вот хоть верите, хоть нет. Пятьдесят человек детей – нас две женщины в лагере. Пионервожатая, ну я, и кухарка. И всё. От хоть верите, хоть не верите, как хотите.

С.А.: Всегда рассказывает, и мы поражаемся всегда.

Е.Н.: Ага, поражаются и кое-когда не верят мне. А я говорю: «Что ж я буду вам врать, что ли?» Нету возле нас ни мужчины, хоть бы какой-нибудь там калека мужчина был, чтоб в лагере мужской звук был. Нету. Одни дети и нас две. Правда, дети, что большие уже, уже и по двенадцать, по тринадцать лет есть дети, девочки уже вот такие есть, ага, большие. Ну, однако, как вот сейчас послушаю в лагере: там и милиционер, там и врач, там и пионервожатая, там и сторож. Почему ж я была в степи за двенадцать километров от села, в степи, я была, считай, вдвоем мы были с ней.

С.А.: Вокруг пшеничное поле.

Е.Н.: А вокруг лагеря пшеничное поле, прямо так обпахано пшеничное поле чуть не в человека. И оно нам сделало, прямо как двор. Красиво так! А тут широкая дорога, заходим – ой, боже мой! Ну вот же ж мы когда пришли в лагерь.

С.А.: Вы ж не рассказали, как вы одели их, как вы вели их в лагерь. Ну-ка расскажите. Это ж самое главное, интересное. Никто ж не знал, как одевать, как что там, горн там.

Е.Н.: В общем, когда объявили детям, родителям в школе и сказали, что родители все для детей должны пошить трусики. Раньше ж то без трусиков ходили. А тут же дети пойдут купаться, чтоб были во всех трусики. Одежда будет наша, мы ихнюю одежду снимаем, наша одежда, в нашей одежде. Ну а трусики чтоб были во всех. Ну на второй день после этого уже начали наши эти из площадки с нашей все кровати, всю-всю мебель туда возить. Возят женщины, возят там, амбары там выбелены, вычищенные, амбары хорошие, вывозят туда наши кровати все, становятся женщины. Ага. Я получаю продукты. Ну от вы хоть верите, хоть не верите. Я, я ж говорю, я заведующая, получилось, что я заведующая, я пионервожатая.

С.А.: И завхоз тоже, и повар.

Е.Н.: Я получаю продукты, получаю продукты. Быкох запрягли, две женщины со мной. Подъехали в колхоз, в колхозе до кладовой. Я получаю с кладовой. Вот слушайте. Мешок муки, мешок пшени, мешок крупы пшеничной, муки мешок, крупы лошадиной...

Овсяной?

Е.Н.: Овсяная. Мешок сушки на компот, яблоки, сушеные яблоки, вишни там. Получаю всё. Представляете, сколько я получила на руки?

С.А.: А мясо еще.

Е.Н.: Мешков сколько получила. Получила я всё это.

С.А.: А мясо?

Е.Н.: Мяса еще нет, мяса еще нет, я от это получаю, и всё такое. Всё получила, подъезжаю до магазина, до того магазина, в котором я и работала. В магазине беру мешок сахару, мелкого, не рафинаду, мешок сахару мелкого, беру четыре коробки печенья. Две коробки печенья – раньше были такие куколки, то лошади. Одна сторона розовая, одна

белая. Вот такие пряники – два ящичка. А другие ящички – просто такие белые, как вот сейчас, белые, в сахаре.

А формой, как лошадь, сделаны?

Е.Н.: Она прямо вырисована, печенье вырисовано, как лошадка и как кукла. И головка есть, ну рук же нету, а так. И представьте: сколько я продуктов получила на детей! Привезли все продукты, все в кладовую, там кладовая хорошая, в кладовую всё поставили, а харчевоз уже нам привез мясо, масло, яйцо, молоко, растительное масло, сливочное масло, всё вот такое нам привез уже харчевоз. Не нам, а меня там еще нету, а то продукты.

С.А.: И посол уже там, всё уже там, да?

Е.Н.: А там уже всё-всё-всё. А сегодня уже отправили и кухарку, и последних деток, тех, которые сироты, тринадцать человек, они ж тут ночевали, домашние-то домой пошли, а эти-то здесь ночевали, сегодня ихние кровати отправили и кухарку отправили, посуду отправили, всё. И кухарка нам до обеда уже наварила борщ, и вот эти две женщины, которые возят, расставили кровати. Ну они ставили сами и смотрели: сколько можно тут поставить. Амбары два, большущие-большущие, длинные. А два чуть поменьше. И так же вот так стоит кухня, эта землянка длинная, тоже длинная, а так стоит два амбара. А потом здесь два амбара. И получилось как двор, как двор получился. И до того хорошо уже рабочие сделали, хорошо. Прямо вот заходишь – тут же пшеница кругом, как ворота вроде. Как заходишь, тут на воротах стоит корыто. Половина корыта воды, возле корыта это.

С.А.: Рештак?

Е.Н.: Рештачок, рештак. Тут рядом рукомойник, рештак. Рядом полотенца ж висят, рештак.

С.А.: Мыло, мыло было?

Е.Н.: А как же! Рукомойник – на десять сосков рукомойник, мыло тут же лежит. Руки, дети, ноги ополоснули на рештак. И тут полотенце прошлогоднее, мы им же приказываем, детям, что вот, ноги вытерли, и по рештачку, в рукомойнике руки помыли. А кто умывается. Ну говорю, кто там хочет – умылись, вытерли полотенцем, полотенцев ж куча висит. И по рештаках, до стола прямо рештаки лежат, по-над порогом, и до стола, до столов, столы кругом, с рештаком, и сразу идите, садитесь за столы. Дети сразу тож всё, сели за столы, ну на столе клеенки не было. Мне это одно не понравилось. То всё хорошо, а то не понравилось. Кухарка начала их кормить, начали мы носить, и я, и она начали носить, и женщины эти, накормили детей, и женщины позавтракали, всё женщины тут сделали, женщины всё: кровати все убраны, все застелены, всё как ото в больнице, одеяло вот так сложенное тут, одеяло видно, одеяльце видно, так красиво, беленькое, как... Открыли, откроешь, на дверях простынями завесили. И вот представляете, мух было мало, мух очень было мало.

Так чистота же.

С.А.: Чистота и в поле, там ни животного, никого нет, поле, это только черепашки должны были быть. Так, мама, я, знаете, что до сих пор не могу понять, вы же не рассказали, как вы шли туда в этот отряд, как у вас получилось красиво это, как видели вас с горном. Это тогда или когда образовали пионерские отряды? Я вот это вот уже спутала.

Е.Н.: Пионеротряд когда организовали, еще в школе, а в школе ж привезли галстуки, привезли маленьким детям октябрятские...

С.А.: Мам, подождите, давайте уже закончим за лагерь. Значит, всё там было прекрасно, и вы там прожили три месяца.

Е.Н.: Да.

А что дети делали, когда вы были в лагере?

С.А.: А я просто хотела уточнить, как вы туда шли.

Е.Н.: Пришли мы с детьми, пообедали, легли мы, как только пришли.

А вы пешком шли в лагерь?

Е.Н.: Мы пешком, решили пешком. Вышли, это если б не языком рассказать, это видеть только. Когда провожали детей, дети утром все пришли в детплощадку. В детплощадке я их передела все в свою одежду: у девочек розовые платица, с цветочками.

С.А.: Сама шила, она ж шьет. На гитаре играла, на балалайке играла.

*Рис. 3. В центре Е.Н. Дубинская. Середина 1930-х гг.
(фото из семейного архива Е.Н. Дубинской)*

Е.Н.: У мальчиков – голубые трусики и тут, как это, жилеточка, красиво так, голубое, голубое с розовыми. Знамя красное, и тут барабанщик.

С.А.: И горн даже был.

Е.Н.: Горн – а как же, горн, горнист. И этот, барабанщик, горн и знамя. Ну вот, все свои места знают.

С.А.: Вы же репетировали, да? Вы перед этим их репетировали.

Е.Н.: Да, они у меня отрепетированные. Господи, я сколько лет работаю, я их уже там, они у меня, хоть верите, хоть не верьте, они, детки, у меня были, как ангелы. Без моего разрешения и шагу не ступнет, без моего разрешения.

С.А.: И вот это же пшеницы было поле – и она сказала: никто не пошел, не повалял, ничего не сделал. Пятьдесят человек.

Е.Н.: Ну, когда мы пришли, да, вот я ж расскажу, как мы шли. Во дворе одела, а двор, вы же не видели, как у Светы, точно так, как у Светы. Что два двора занимает, так в том дворе у нас игральная была, а в этом дворе – сюда заходят в столовую. Ну здесь их, зашли все дети, я переодела их, красота такая, а там уже родителей собралось возле того двора.

С.А.: Думали плакать, думали всё, что там они будут.

Е.Н.: Ну если пятьдесят человек детей, пятьдесят родителей, по одному если пришли только.

С.А.: Так еще начальство же какое-то было.

Е.Н.: Не было никого пока, пока-пока, слушай.

С.А.: Ну свои-то были, колхозные какие-то были?

Е.Н.: Одеда, строго-настрого приказала, но они давно знают, дети ж, за эти годы я их вымуштровала, они знают, кто с кем идет рядом, кто за кем идет, что, в шеренге если идете, чтоб не улыбались, чтоб не дергались, чтоб никуда не разглядывали, шли, а идите, как струна. И так они у меня и ходили. Ну тут я их переодела. А там уже, в том дворе, не в дворе, а за двором, на улице, людей собралось – это сколько учеников, сколько родителей пришло, а потом еще такие кто поприходили, а потом приехали председатель сельского совета Бугуславский и с секретарем приехали сельского совета, из колхоза приехали секретари это обое: Фёдор Афанасьевич и Владимир Иванович – приехали секретари на линейке¹. Тут просто митинг, митинг и всё. Я детям приказала, ну тут подняли, развернули знамя в этом дворе. Всё, дети, шагом марш, в одну шеренгу, шагом марш, в тот же двор. И приказала: «Смотрите, никаких улыбок, никаких выскаков, там что-нибудь кричать, мамы там будут – вы ничего не обращайтесь ни на кого внимания». А там же ворота уже открыли, люди как хлынули во двор, дети маршируют, маршируют, а родители некоторые плачут, стоят, плачут. «Да куды мы вас отправляем, да шо ж вы там будыты йисты». Ну в одну шеренгу, потом я скомандовала: «Шеренга, в два ряда шеренга». Шеренга построилась в два ряда. Стоим же, барабаны и горн, а потом знамя, и с песнями вышли ж. Ну всё это прекратилось. Тут начали выступать секретарь один, секретарь другой, выступают перед детьми, и главное – все приказывают, один выступил, чуть не одинаковая речь, и другой: «Дети, да смотрите, Дусю Назаровну слушайте, если вы не будете слушаться Дусю Назаровну, сразу из лагеря будем провожать, выгонять, слушайте». И там ну много кой-чего говорили: «Да смотри, да только слушайся». И всё. Только слушаться. Никаких ни уходов, ни... Другой выступает, тоже ж такое выступает. Секретарь сельского совета выступает – тоже ж такое. Главное – никого нет, одна Дуся Назаровна. Только ее слушайте, и всё. Ну, потом я – марш, всё, барабан, барабан, горн, как застучали, закричали, и песню как: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед». И от двора выходят. А матери цепляются до их, а я им приказала, детям: «Мамы будут цепляться, вы ни в коем случае не выходите». Ага. Они – мать цепляется, а оно идет, отталкивает. Вышли, тут сразу завернули, уже по улице прямо нам идти.

С.А.: Двенадцать километров!

Е.Н.: И ты идешь, и все-все эти родители и секретари колхозные ехали за нами, мы с песнями вышли за село, а председатель колхоза уехал. За село вышли, тут я дала им, значит, свободно поиграть тут, всё, знамя свернули, и тут родители начали прощаться. Ой, боже мой! Плачу сколько! Да что вы! И дети некоторые плачут, и мамы плачут. Да суют им что-то йисты, ну а мы, а я ж так и объявила, что будем идти пеши, двенадцать километров, для нас это ничего не стоит. Ну всё, спустились и пошли мы пеши. Пошли, а оно ж в мае месяце, трава зеленая, цветочки везде, свободно пошли, девочки цветы рвут, и пошли мы. И так незаметно дошли. Ну попался лиман, зеленый такой, зелень там, то цветы, васильки, то березка, то еще какие там цветы. Заячьи это.

С.А.: Ушки.

Е.Н.: Ну всякие там цветы. Ну, давайте отдохнем. Сели отдыхать, я за дорогу составила четырехстишье, думаю, ну как же, в лагерь заходить, там же нас будут встречать, мы ж молча не должны заходить. И придумала:

Ох, ты, лагерь наш родной,
Принимай, наш дорогой!

Ну четыре слова. И давай с детками учить. Разучили. Пойдет? Пойдет.

Здравствуй, лагерь наш родной,
Принимай нас, дорогой!

Мы как только придем, будем заходить, там же женщины нас будут встречать, сразу крикнем женщинам вот так: «Здравствуйте!» И они нам скажут: «Здравствуйте». Ну заходим, а тут же как раз камыш, родник, тут пролив был, знаете, откуда, там уже родник такой, заросло зеленью, а тут камыш, и как раз напротив лагеря. Видно, они ходили ж, ну рабочие переходили, переходить можно. И дети с тем, что давайте перейдем здесь. Я говорю: «Нет, дети, мы не знаем, какая глубина, что ж мы будем по камышу лезть? Порежемся, то-

¹ Линейка – вид транспорта, длинная многоместная открытая повозка, в которой сидят боком к направлению движения.

другое». Ну они ж как я сказала – всё. А кругом обходить – это целый километр. Ну а так идти, по-над прудом, по-над тем же каналом, а потом пруд начинается, потом аж на греблю¹ – это полкилометра. Да назад же идти опять сюда ж точно. И только до гребли дошли, ой, боже! Дети как вскричали: «Дуся Назаровна, давайте скупаемся, давай скупаемся!» – «Не-не-не». Ничего, никто и до воды не подошел. «Придем, – говорю, – мы поморились, мы употели, пообедаем, потом наша воля будет купаться». Пришли ж ото. До угла дошли до этого, раскрыли знамя, барабан, в горн заиграли, всё, музыка. И песню заиграли. Выходим уже ж до лагеря, доходим, только доходим до лагеря, две женщины и кухарка выскочили, встречают нас. Я детям говорю: «Давайте, “Здравствуй, лагерь наш родной, принимай нас, дорогой”». Женщины: «Ой, здравствуйте, дети!» – «Здравствуйте!» – «Заходите, заходите». И ото зашли мы, а потом после обеда как легли отдыхать, а уже в пять часов вечера проснулись.

С.А.: А ну что вы тут делали, вот быстренько скажите и...

Е.Н.: Ну вот проснулись. И сразу: «Стройтесь, пойдём на речку». Все построились, голенькие, ну в одних трусах. Построились, уже знамя не берем, горн не берем.

С.А.: Конечно, что там делать со знаменем. Купаться со знаменем – это вы уже слишком.

Е.Н.: Только под барабан. И пошли на речку. И тут же я им сразу рассказываю. Смотрите. Ни один чтобы не выбежал наперед, ни один чтоб ногу не помочил. Если же хоть один без моего разрешения помочит ногу в воде, то все не купаемся, все идем назад. Мы не купаемся. Вот так, смотрите. Приходим, ну я ж команду: «Ну всё, остановились». Там, на куту, трава зеленая, они выстроились над прудом все стоят, готовы прыгнуть в воду. Я говорю: «Нет, дети, полезу я первая, проверю воду, какая вода. Может, вода негодная купаться, может, нельзя там вообще купаться». Я говорю: «Смотрите, я недалеко от гребли, ну значит, прыгну в воду, и буду руку вам выставлять. Увидите вы мою руку из воды или нет. Ну, опустилась в воду, глубина большая, руку подняла, и они не видели мою руку. Я выплыла, метра два проплыла, еще окунаюсь, еще опять же поднимаю, я, когда выплыла, говорю: «Увидели руку?» Они говорят: «Нет, не видели». Ну, я метра два проплыла, говорю: «Ну, теперь смотрите». Опять же показываю им руку, они увидели пальцы мои, значит, тоже глубина хорошая. Ну всё, третью партию проверяю. Всё, везде прошла, до самого конца пруда дошла, проверила. Ага. Ну вот, те старшие купаются вот здесь. «До гребли близко не подходите», – потому что, я когда нырнула, там слишком большая глубина и гребля неровная там. Там яма какая, канава какая, камни какие-то, ну накидало что-то. «До гребли близко не подходите, вот здесь купайтесь. И ни в коем случае чтоб никто не баловался. Без меня никто не идет». Ну скомандовала первой группе: «Ну, первая группа, заходи, старшие». Только зашли первая, и Каменюкин тот же, что я всегда рассказывала.

С.А.: А, Каменюкин, самый балованный.

Е.Н.: Водой, водою одной девочкам в лицо, в лицо. Я команду: «Каменюкин, ну-ка давай сюда». Он выходит. Я говорю: «Мы как договаривались, что баловаться нельзя». – «А я не балуюсь». – «Как это ты не балуешься? Ты девочкам брызгал в лицо, ты брызгаешь в лицо, она захлебнулась, она закрывает глаза, и потом здесь так же много воды. Она захлебнулась водою и тонет. И при тебе утонула. И ты говоришь. Разве можно брызгаться? Ни в коем случае чтоб не брызгались». Ну всё. Эти плавают, другие пошли, третьи пошли. А я только стою над берегом, наблюдаю, наблюдаю, как купаются.

С.А.: Ясно, вы и своих так учили. Всех выучила плавать, все умеют внуки. Семь человек – и всех выучила.

Е.Н.: Покупались, ну не знаю, без часов, главное – работала без часов. Ну, уже чувствую, что хватит уже, команду: всё, выходим. Вышли все. «Ложитесь на спину и руки закладываете вот так. Все за голову руки. Все так легли. Лежат на зеленой траве, лежат, загорают, загорают. Ну там минут десять чи двадцать полежали, некоторые даже аж заснули. Ну, я команду: «Подъем!» Все поднялись: «Давайте опять в воду». Опять они в воду, опять они купаются, ну сколько, я же чувствую уже: хорошо покупались. Выходим. Выходят. «Ложитесь на животики». Легли все на животики, опять говорю: «Руки держите за головой». Так же они лежали так. Одна сторона загорала, потом другая должна загорать.

¹ Гребля – плотина.

Полежали – третий раз. Три раза хорошо покупались, хорошо позагорали. Ну, хорошо уже покупались. Ну хватит, всё уже, и пошли домой. И пошли туда. Говорит, чем занимались. А чем занимались – придем же ж оттуда – так там у нас и стихотворения, и всякие – да что ты!

С.А.: Но самое главное забываете сказать. А пирамиды¹ когда делали? Вы же еще и пирамиды с ними показывали.

Е.Н.: Пирамиды, делаем пирамиды. Пирамиды, маршируем каким-то там. А вечером костер разжигаем, нашла я за амбаром, таз как раз попался такой, корыто вроде. Так туда накладем, разожжем сырые дрова, потом подкладываем, одно дым только, и комаров нет. И у нас до двенадцати часов и песни, и что, и танцы, и что только мы делаем. А пирамиды – это я днем делаю. Днем занимаюсь – пирамиды всякие, начиная с трех человек по двенадцать. И вот за всё лето только два раза приходила комиссия. Приезжала. Мы с кухаркой пошли, никогда не отдыхали днем, а то говорю: «Давайте и мы пойдем у пшеницу», еще пшеница стояла. Взяли одеяло, постелили, легли, лежим. А в трусах же, а халаты сняли там же, в этой, ну в амбаре, где я живу. В амбаре, там же мой кабинет. А потом пришли, в трусах в одних положились, у бюстгальтерах, лежим. Я так лежу. И вот что-то мне кажется, как гул какой-то, как будто бы кто-то разговаривает. Подниму голову, не слышно. Положу голову – опять гудит, кто-то где-то разговаривает.

С.А.: По земле ж слышно.

Е.Н.: Потом уже в третий или в четвертый раз так уже так решила приподнять – ой, их три дяди идут, только из-за пшеницы только головы видно, что идут. Я сразу и: «Ксения Ивановна, пошли скорее, к нам идут». Мы тогда по пшенице, туда, халаты натянули, успели. Вышли, они приходят, а дети ж все спят как раз. Они: «Ну как вы тут?» Ну мы рассказали, как мы, как живем, как что. «Как кормите? Как, чем?» Они зашли, а дверь закрыта ж простынями в амбар белыми. Они так открыли, видно: ребятишки спят в белом: белые кровати, белые наволки, всё хорошо, хорошо. Посмотрели всё. «А кормите чем?» А мы говорим: «А мы вон сейчас покажем, чем мы кормим». И борщ варим, и пирожки печем, и блины, и вареники, и что мы только там не готовим. Всё готовим. Садитесь». Они сели. Так мы как начали им таскать: борщ, потом соус с мясом. Соус – знаете, что такое?

Мясо с картошкой, с луком, да?

Е.Н.: Мясо с картошкой, соус. Потом пирожки, а пирожки с печенкой, с картошкой и пирожки сладкие у нас же там, и яблоки есть, и всё, и сладкие пирожки, и кислое молоко. А кислое молоко как сметана получается. Каждый день ее квасим, она восходит. До вечера оно расходуется. Завтрак, обед, полдник. Так они как начали есть. Говорю: «Вот так мы детей кормим». – «Да вы что, вот так кормите?» Ну наелись, они пока проснулись, посидели, дети проснулись, вышли дети, ну там – кто в туалет, кто... Как начали мы – и пирамиды ставить, и что только я не творила. Маршировала. Маршируют, как солдаты, как солдаты, в ногу маршируют все: и малые, и большие – все маршируют. Сперва помаршировали, потом это...

Пирамиды, да?

Нет, не пирамиды. Ну пирамиды – пирамиды с трех до двенадцати как начала ставить, ой! Так я часто думаю: вот интересно, ни разу ни один на пирамиде не упал. Ни разу не испортили пирамиду. И на сцене я выступала в клубе, ни разу. И мостики делали, и стойки делали, и что только не делали. Из двенадцати человек – такая вышина, и ни один не упал, не испортили. Ну вот пирамиды. Потом как начали маршировать, они маршируют, цепку. Я команду: «Цепку!» Делаем цепку.

Цепку?

С.А.: Цепочка.

Е.Н.: Они делают цепку, я стою посреди двора, команду: «Влево, влево, влево, влево». Они влево и закрутили меня цепкой. Закрутили, я осталась в середине, они кругом. Они только сидят, на друг друга поглядывают. Цепка раскрутилась, раскручивается. Потом: «Гусиным шагом!» Сперва утиным шагом. Утиным идут шагом, вот так же, поприседают – утиным, потом я: «Гусиным шагом!» Гусиным шагом, руки расставляют, кричу: «Гуси-гуси! Есть хотите?» – «Да-да-да».

С.А.: Гуси-гуси! – Га-га-га.

¹ Пирамида – гимнастическая или акробатическая фигура из людей, стоящих друг на друге.

Е.Н.: «Летите!» Они тогда поднимаются, руки расставляют, а они [проверяющие] глаза повытаращили и смотрят. Это как же, как же вот такая, детей сколько, а я одна там.

С.А.: Пигалица, да? Еще пигалица, а сама и...

Е.Н.: Это ужас. Так после того тогда меня пригласили выступить на сцене, так дети ж пирамиды ставили, вот эти, что я рассказывала, на сцене. Так люди глаза повытаращали. После разговаривают.

С.А.: Откуда вы это всё взяли, мам? Ну откуда вот вы взяли? Кто-то ж говорил где-то.

Е.Н.: Ну мы ж-то были на курсах.

С.А.: А, на курсах. Всё хорошо, ага, всё понятно.

Е.Н.: А я ж тебе часто, кажется, рассказываю. Потому ж меня и посылали на курсы, что знали, что с меня выйдет человек, а те неграмотные. Все придут, в столовую зашли, нажрались, придут и спать до вечера. Ни заглянут, что задавали на дом. А на дом надавали – и книжечка по... медицинская книжка. Как ребенку сделать там...

С.А.: Повязки, перевязки.

Е.Н.: Могли чтобы повязку делать. И там игрушки как, как пирамиды ставить, как и стихотворения, и сказки.

С.А.: И речевки ж там.

Е.Н.: Игры, я никогда не лягу ж, приду со школы, я ж не лягу, покушаю. Они спят, я всё равно не лягу, сяду на свою на постель, сижу, книжечки я все эти перечитаю, все посмотрю, как перевязывали. А завтра нам же у классе показывают, как забинтовать, руку поломал, или шапку сделать на голове. Никто не может делать шапку на голове. А я сделала в классе шапку на голове, получила «отлично». А назавтра ведут на практику, в больницу, на практику, где показывают, всё показывают. Хирургический там показывают: то рука, то голова.

С.А.: Всё ясно. Так, дальше.

Е.Н.: А я сделаю шапку.

С.А.: Ну и пробыли вы три месяца, да, мам? Там.

Е.Н.: Три месяца.

С.А.: В конце августа вы их уже домой всех вернули.

Е.Н.: Двадцать пятого августа. Двадцать пятого августа закончилось уже, приходим домой, а здесь уже распоряжение: разделить детей. Уже эти дети взрослые. Прямо, ну наша Аня, двадцать первого года, уже шестнадцать лет.

С.А.: Племянница была без родителей.

Е.Н.: И Василенко, уже по пятнадцать – по шестнадцать лет. Большие ребята. Большие. И решили сделать интернат. Интернат – на углу, как заезжаешь, у Кресты – управо идет, на углу стоит дом большой, то сделали с него интернат. А питаются дети со столовой с общей. Столовая проходит – сюда рядом она. А их тринадцать человек.

С.А.: Просто жили, а учились в школе, да? В интернате жили, а учились.

Это для сирот интернат был?

С.А.: Для сирот же, и у кого родителей не было?

Е.Н.: Сироты, круглые сироты, круглые сироты. Ни отца, ни матери. Тринадцать человек. И им ото со столовой принесут цибарку¹, тринадцать порций. Здесь же они ели в детсадики, ели как, никогда ж ничем не... Всё давали, всё ели, а здесь порции, позавтракают когда, потом аж обедать, а оно не наелось. Они увидят меня тогда после: «Дуся Назаровна, нам плохо здесь». Я говорю: «А почему плохо?» – «Да что она, принесет у цыбарке, а оно, пока донесет, там набираю, вроде хватае, а разольется, оно... добавочки никогда нет». Вот так. А потом говорят: «Мотя заболела, Мотя заболела». Заболела – положили ее. «А где ж она?» Не в больнице, а в какой-то пустой, хата пустая, совсем далеко отсюда. «Положили, – спрашиваю, – где?» Показали. Я набрала яблок, дома набрала яблок, прихожу до ней. Она, бедненькая, лежит, само дите плачет, одиннадцать лет девочке, что же, посыпало по ней. Она лежит, плачет: «Дуся Назаровна, как вы хорошо, что пришли. Здесь никто ко мне не заходит». Принесет, кушать ей что-то принесут, да и всё. А так, чтоб проведать – никто не ходит. Само дите ночует в чужой хате. А мне так жалко ее было. Мотя.

С.А.: Ну, так чем закончилось это всё?

¹ Цибарка – ведро.

Е.Н.: Ну и всё закончилось.

С.А.: Разделили – те в школу пошли, те в интернат, да?

Е.Н.: Те в школу пошли, те – в интернат.

С.А.: А вы тогда пошли телефонисткой.

Благодарности

Публикатор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе этнолингвистической экспедиции сотрудникам Зимовниковского краеведческого музея, отдела культуры администрации Зимовниковского района Ростовской области и лично Марианне Юрьевне Федосеевой, Виктору Глебовичу Лушину, Светлане Андреевне Дубинской и Полине Николаевне Дубинской. Публикация подготовлена в рамках работы по проекту «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование ИСЭГИ ЮНЦ РАН, № государственной регистрации 01201368164).

УДК 929/94(47).084.6

Задонье в первые десятилетия советской власти: воспоминания Е.Н. Дубинской

Подготовка к публикации, вступление и комментарии
Нина Алексеевна Власкина

Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований
Южного научного центра
Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
кандидат филологических наук
E-mail: nvlaskina@gmail.com

Аннотация. Интервью с Е.Н. Дубинской посвящено первым десятилетиям советской власти в Задонье. В публикацию включены рассказы о сельском быте 1930-х гг., формировании первых колхозов, неудавшейся попытке обосноваться на Кубани, возвращении на родину и обустройстве, организации детского лагеря в Задонье.

Ключевые слова: колхозы; Кубань; наводнение; казаки; крестьяне; пионерский лагерь.